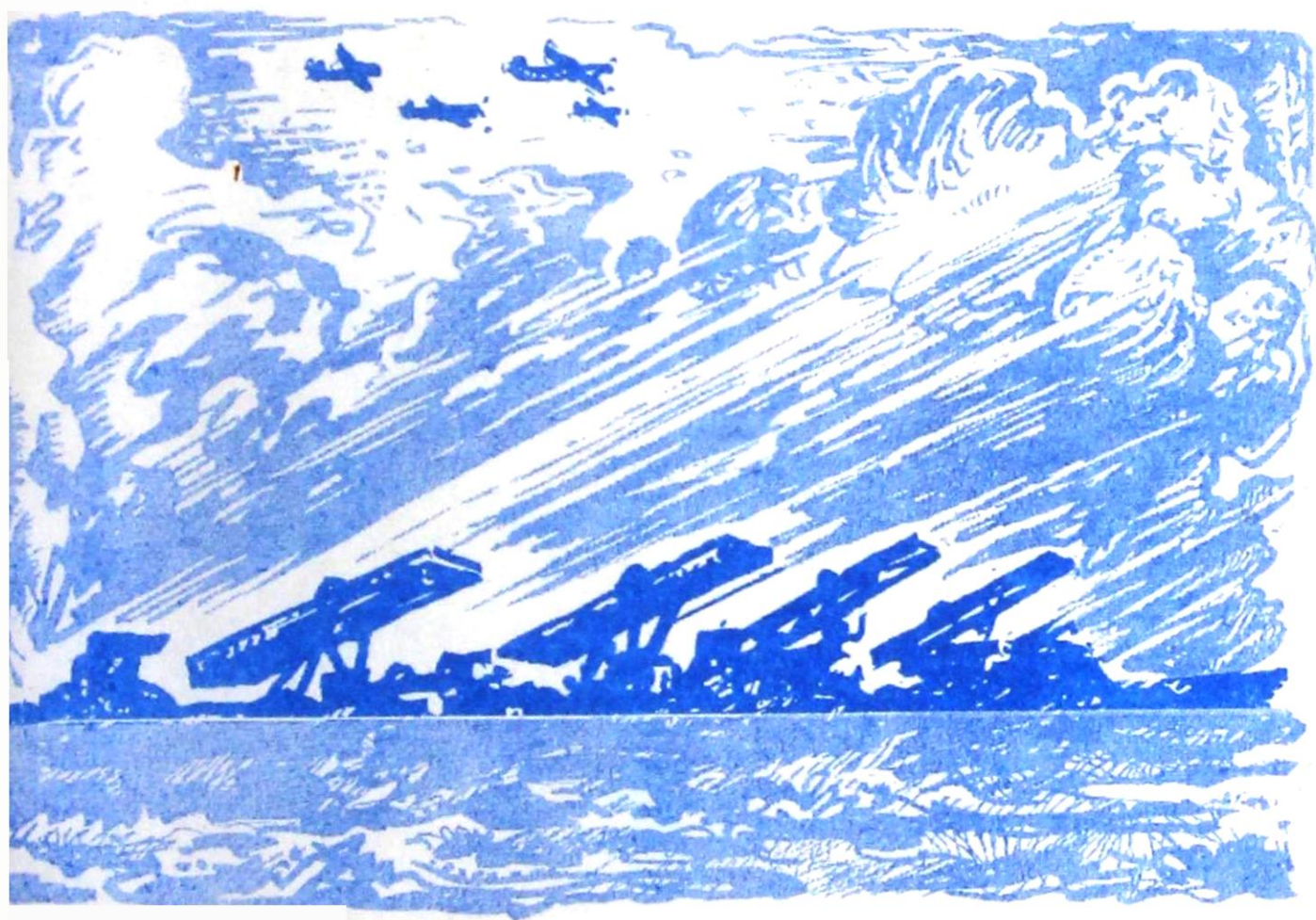

Федор Таранухин

Незабываемое

К 60-летию Победы в Великой
Отечественной войне 1941-1945 г.

ОБ 16+

84(2)002-1/с)6
Т 19

Федор Таранухин

Незабываемое

рассказы

25362-1

МАУК "Межпоселенческая
центральная библиотека
Балаковского муниципального района"

Балаковское отделение Союза писателей России

г. Балаково
2004 г.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

*Книга посвящена юбилею – 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.*

От автора

Батальные сцены сражений в годы Великой Отечественной войны созданы в произведениях известных писателей, таких, как Михаил Алексеев, Константин Симонов, Юрий Бондарев, Федор Абрамов и другие.

Моя задача дать отдельные эпизоды военного и послевоенного времени, связанные с войной, в которых участвовали мои друзья, товарищи, и в некоторых из них довелось участвовать и мне. Нельзя забывать о страшных жертвах, покалеченных судьбах многих людей, немало из которых до сих пор пытаются найти следы пропавших без вести родственников.

Ведь это наша история, ее незабываемые страницы.

© Таранухин Федор Федорович

© Балаковская писательская организация
Союза писателей России

МЫ ЖДЕМ ТЕБЯ!

(рассказ)

Василий Шаров торопливо надел очки, его бородатое лицо напряглось, широкие брови упали на глаза. Он читал нежданное-негаданное письмо и радовался, и до того был взволнован, что в висках запульсировала кровь и задрожали руки.

«Маслюков! Анатолий! Да быть такого не может! О нем говорили, скончался в медсанбате... Да как же он разыскал меня? А-а, вон оно что, через совет ветеранов. Приедет! Он приедет ко мне! А как же ноги? Ему же их... Протезы, что ли? – читал и перечитывал письмо Шаров. – Я все помню, все. И сейчас видится картина того яростного боя, той отчаянной дуэли...»

Это было в начале августа сорок первого. Стояла жарынь, в блеклом небе плавилось солнце. Поначалу было тихо, без стрельбы, только издалека доносилось приглушенное расстоянием тяжелое гудение моторов: шла, приближалась вражеская колонна машин и танков.

Наша батарея заняла позицию прямо на духмяном пшеничном поле. А пшеница уродилась высокая, густая, и жалко было подминать ее колесами машин, гусеницами тягачей, топтать ногами. Но – война...

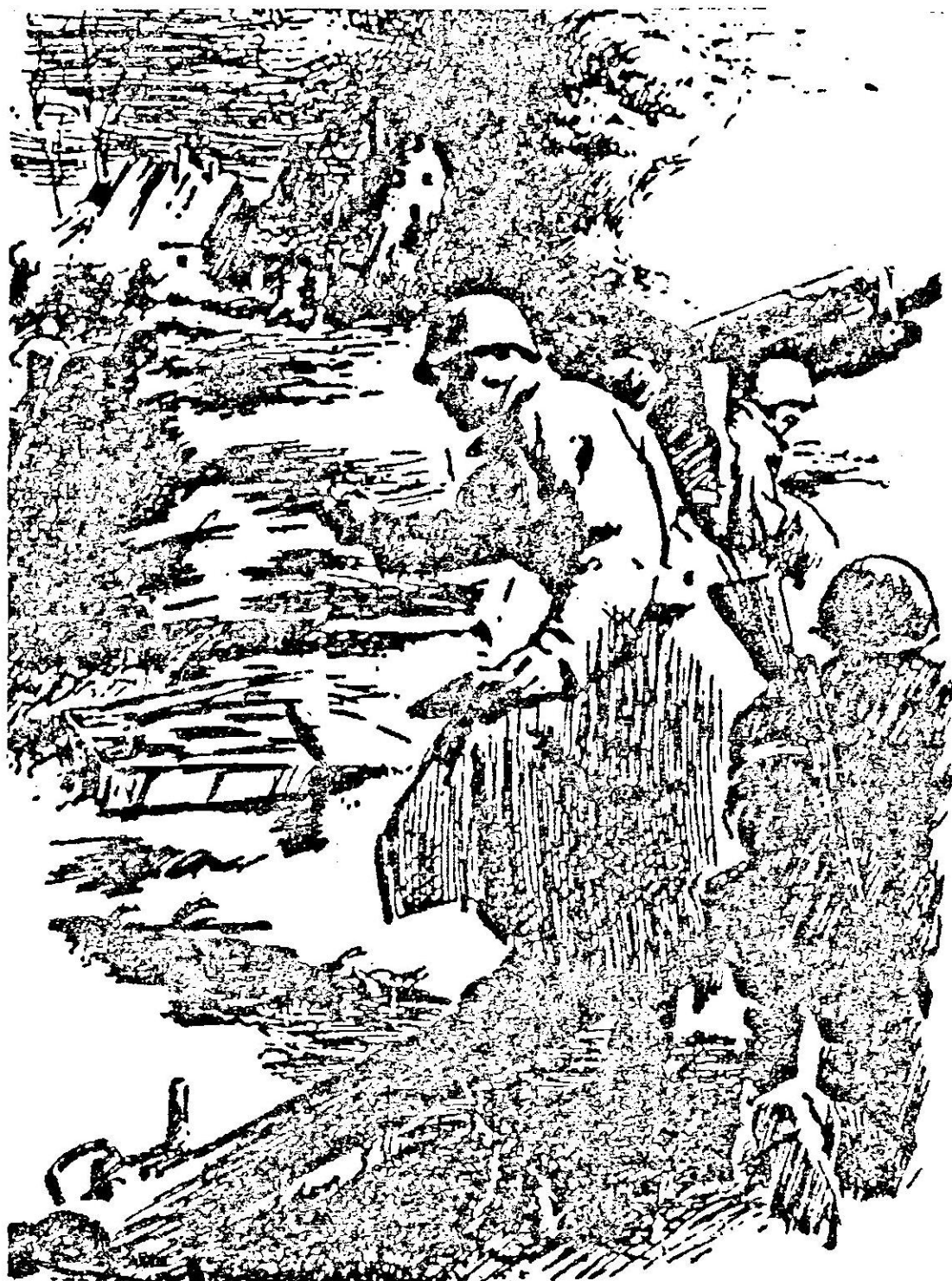
Орудийные расчеты уже окопались, изготовились к бою. Командир батареи капитан Скоробогаткин, поправляя пилотку на посеребренной сединой голове, позвал телефониста с аппаратом на ремне через плечо и катушкой провода. Коротко бросил:

- Бегом!

И побежал в высокой пшенице поближе к дороге, выбирать наблюдательный пункт.

Быстро выкопали окопчик. Высунувшись из окопчика, капитан сообщал ориентиры, телефонист передавал по телефону:

- Первое! Второе! Третье! Четвертое орудия! Фугасными! Беглый огонь!

Младший лейтенант Маслюков командовал своему орудию расчету. И рванула семидесятишестерка, а за нею и другие орудия послали снаряды на врага. Прощелестели они над пшеничным полем, и там, возле зеленых придорожных посадок, вздыбилась земля,

поднялись клубы дыма и сильно грохнуло и затрещало, в дыму и пламени разлетелись обломки машин. Это разнесло боеприпасы, которые гитлеровцы везли для нашей гибели.

А потом... Вообще-то надо было предполагать, что без ответа не обойдется, это же война. Артиллеристы так увлеклись, так вошли в азарт, что за орудийным грохотом не услышали и не обратили внимания на наш оживший зенитный пулемет, пытавшийся отогнать кружащую высоко над позицией батареи «раму» - двухфюзеляжный корректировщик.

Увидев, наконец, «раму», Маслюков, размазывая по вспотевшему лицу пыль и копоть, сказал:

- Теперь жди гостей с подарками!

Наводчик Николай Бобров торопил товарищей:

- Снаряды! Живей, ребята, пока фашисты не очухались!

Со стороны фашистской колонны раздались выстрелы. Над головами батарейцев проныли, нудно провизжали мины, разорвались за стоящим в высокой пшенице тягачом. Перелет. И снова визжит, пофыркивая, мина, приближается прямо к орудию.

- Ложись! – скомандовал младший лейтенант Маслюков.

Шаров прыгнул в окопчик телефониста, над ним прозудели осколки. И вдруг крик:

- Лейтенанта убило!

Шаров выскочил из окопчика и видит: лежит Анатолий и дергается в судорогах! Шок! А у его ног дымятся две черные воронки. Бросился Шаров к нему, стал на колени, расстегнул санитарную сумку. Младший лейтенант засыпан землей, иссечен осколками.левой голени нет, правая держится на одном сухожилии.

Шаров быстро закрутил жгуты, перерезав ножницами сухожилие, стал накладывать повязки на культю, обрабатывать другие раны. Сделал обезболивающий укол. Маслюков перестал дергаться, только дрожал, словно в ознобе.

- Военфельдшер, пристрели меня... - жалобно умолял он. – Пристрели, миленький...

- Что ты, Толя, что ты!

- Не жилец я, Вася... Не жилец... - стонал он и пытался расстег-

нуть кобуру.

А тут и санитарная машина подкатила. Увезли Анатолия Маслюкова. И сжалось в тупой боли сердце Шарова: «Довезут? Не довезут?»

Орудия замолчали, расчеты батареи были в замешательстве. С наблюдательного пункта прибежал в мокрой гимнастерке, с багровым лицом капитан Скоробогаткин. Увидев, что все четыре орудия целы, обычно сдержанный, свирепо закричал:

- Почему прекратили огонь?!

- Лейтенанта Маслюкова убило...

- Товарищ капитан! Младший лейтенант тяжело ранен, - доложил Шаров. - Ампутированы обе голени. Состояние тяжелейшее. Отправлен в медсанбат. Ранен заряжающий Зорин. Вон та паскуда минометчиков наводит, - Шаров показал на «раму», кружащую в небе.

К капитану шагнул наводчик Николай Бобров.

- Товарищ капитан! Разрешите, я сниму эту паскуду?

- Не зенитка же... - устало сказал командир батареи.

- Собью паразитку! Чем черт не шутит!

- Попробуй.

Бобров бросился к орудию.

- Ребята, разворачивай! Так! Снаряд!

И припал к прицелу, выждал, пока «рама», идя по кругу, отдалась, поймал ее в прицел. Орудие вздрогнуло, снаряд ушел в небо. И вдруг «рама» легла на бок, у нее отвалилось правое крыло, разлетаясь в разные стороны, закувыркались части самолета.

- Ур-ра-а! – закричали возбужденные батарейцы.

- Это за лейтенанта!

- Молодчина, Коля!

- И надо же, какая точность!

- Повезло мне, ребята...

Вскоре был дан отбой. Батарея снялась с позиции, двинулась дальше, к новым боям-сражениям. Только не было с друзьями весельчака и отчаяги Анатолия Маслюкова. Погоревали батарейцы и твердо решили мстить врагу за боевого товарища.

И вот письмо! Жив друг Анатолий! Вот радость-то! Напишу, - думал Шаров, - Коле Боброву, он недалеко от Саратова живет. При-

хварывает Коля. Раненый, контуженный, да и возраст... Вон, сколько лет прошло с той огненной поры...

Мы с Колей встретим тебя, Толя! Приезжай! Мы ждем тебя!

БУГАЙ

(рассказ)

Анатолий Захарович приблизился к длинному бревенчатому зданию; глядя на ярко освещенные окна, он остановился. Он бывал здесь, в больнице, почти каждый день, и все не мог привыкнуть к своеобразным лекарственным запахам, к какой-то особенной тишине, нарушаемой то чьими-то стонами, то звяканьем инструментов. А вот его жена, Зинаида Павловна, чувствовала себя здесь хозяйкой. Она самозабвенно любила работу и, кажется, ни разу еще не уходила домой раньше семи. Так что сейчас туда и заходить не стоит. Лучше несколько лишних минут подышать свежим воздухом, поразмяться после сидения в райфо.

Анатолий Захарович медленно, даже лениво вышагивал вдоль палисадника, любуясь опущенными инеем, обсыпанными снегом кустами сирени. Они искрились под лунным светом, угасая и вспыхивая вновь. А теперь он вошел в березовую аллею, не удержался, качнул ветку и подставил лицо ливню прохладных снежинок. Отфыркиваясь, слизывая с губ пресную влагу, он радовался тому ощущению свежести, бодрости, которое испытывал сейчас.

Дойдя до высокого крыльца, Анатолий Захарович постоял, вглядываясь в ясный лик далекой луны, заметил подбирающуюся к ней большую, словно плотный полог, тучу, подумал: «На снегопад дело повернулось». И когда на другом конце села, на пожарной каланче, семь раз ударили по рельсу, и вибрирующий звон прокатился над домами, откликнулся эхом в ближнем бору и там замер, Анатолий Захарович взошел на крыльцо.

В коридоре, ближе к двери, стояли двое мужчин в синих фланелевых халатах. Они курили. А напротив, на стуле, раскинув полы большого тулупа, сидел старичок. Он поводил по сторонам своим

сухоньким, обросшим жиденькой бороденкой лицом, шмыгал покрасневшим носом и, все больше и больше воодушевляясь, без умолку говорил, довольный тем, что есть, кому слушать.

- Меня главная докторша осмотрела, ощупала всего. Не дадим, говорит, дедуля, пропуску на тот свет. Ты и тут нужен. Во как!

- Да-а, без тебя тут действительно... - искривил в насмешке губы один из курильщиков, тот, у которого обе руки были забинтованы, и лишь большие коричневые пальцы торчали из бело-рыхлых «колотушек». Старик не обратил на его слова ни малейшего внимания; поблескивая упрятыми под мохнатыми седыми бровями глазами, он продолжал:

- И, значит, порешила она лечить меня сном. Сутками, стало быть, дрыхнуть буду. Во как!

- Да ты и так поспать горазд, - заметил, хихикнув, мужчина с забинтованными руками.

Анатолий Захарович не прошел в ординаторскую, как делал это всегда, а остался возле говорливого старика, чтобы послушать его и заодно получше разглядеть разрисованные красным его валенки.

- Извините, дедушка, как вас звать-величать?

Вопрос этот пришелся старичку по душе, и он, почмокав губами, начал растолковывать:

- Годков эдак сорок с лишним назад Трофимкой звали. А то ишо Трошка голопупый. Обидно было, да никуда не погрешь, верно. А в колхозе я Трофим Ильич. Я и советчик, и энциклопедия для колхозу, - с гордецей закончил он и даже приосанился.

- Валенки у вас, Трофим Ильич, музейной редкости. Расписные. Кукморские, похоже.

- Таких теперь не катают. Не раскрашивают, как пряники, - заметил тот же, с забинтованными руками, больной, склоняясь над плевательницей. Выпустив из губ мокрый окурок, выпрямился, равнодушно спросил: - И кто их тебе такие сварганил?

- Известное дело, кто: мастер, - ответил дед Трофим, недовольно покосившись на спрашивавшего. - Пимы мои что чугуны, нету на них износу. Больше десятка годов в них барабаню - и хоть бы что!

Подошла санитарка, пухлая женщина с расплывшимся в доброй улыбке круглым лицом, сказала, разведя оголенными до локтей руками:

- И куда мне девать твои валяные чеботы, дедуся? В ящик не полезут.

- Кинь где хошь, и ладно.

- Ну, пойдем, деда, в ванной тебя искупаю.

- А не забоишься голого-то?

Санитарка засмеялась, густо покраснела, протянула:

- Фи-и-и! И не таких молодцов купала!

Они скрылись за белой дверью.

Анатолий Захарович повернулся к мужчинам и встретился с тяжелым взглядом лобастого, который, медленно опуская забинтованные руки, не мигая, смотрел на него. Сердце Анатолия Захаровича встрепенулось и заторопилось. Он не мог вот так сразу оторваться от этих мутно-серых неподвижных глаз.

«Где-то я их видел, где-то я их видел...» - лихорадочно повторял он про себя, блуждая теперь по широкому лицу, заросшему густой каштановой бородой, окидывая коренастую фигуру человека и снова возвращаясь к глазам.

- Простите, мне кажется, мы где-то встречались? – наконец-то спросил Анатолий Захарович.

- Обознались. гражданин хороший, - недружелюбно ответил лобастый.

В это время из глубины коридора негромкий, но требовательный голос позвал:

- Больные, на термометрию!

И мужчины ушли. Анатолий Захарович опустился на скамью, задумался. Странная встреча. Она вызвала неясное беспокойство, настойчивое желание поскорее вспомнить, где и когда он видел такие, как у этого больного, глаза? Обязательно надо вспомнить. Это, конечно, было давно, иначе не мог бы он так основательно забыть...

Из палаты вышла Зинаида Павловна. В белом халате и шапочке, деловито озабоченная, серьезная, она увидела мужа и сразу преоб-

разилась от ласковой улыбки, так осветившей ее нежно-румяное лицо, но тут же она удивленно приподняла дужки бровей, спросила, остановившись рядом:

- Почему ты, Толя, не в ординаторской?

- Да вот застрял как-то...

- Ты выяснил? Едешь завтра?

- Еду. В Починковскую сберкасса, вечером вернусь, - в рассеянности и задумчивости сказал Анатолий Захарович.

- Толя, ты почему сегодня не в тонусе? Ты давно меня ждешь?

- Не очень. Переодевайся, да пойдём.

Всю дорогу Зина увлеченно рассказывала мужу о больничных делах, которых всегда так много, что дня не хватало, чтобы справиться с ними.

Анатолий Захарович слушал молча. Он был занят своей тревожной думой. И после ужина, усевшись в угол высокого дивана, развернув газету, он не читал ее, не мог сосредоточиться, а снова и снова шарил в закоулках своей памяти, продолжал утомительный поиски. Кажется, вот сейчас, в эту минуту его память приблизилась к тому, что так тревожило его, ответ был где-то рядом... От нервного напряжения и волнения его лоб покрылся испариной.

«Так где же все-таки я его видел? Где же я... А ну его! – отмахнулся он. – Бывает же такое! Как будто бы мало встречается людей, чем-то и кого-то нам напоминающих». Анатолий Захарович тяжело вздохнул. Нет, не может он вспомнить. А прогнать назойливый вопрос нет сил...

Зина, убирая посуду, присматривалась к мужу и удивлялась: что с ним случилось? Почему молчит? Что все это значит? Никогда между ними не было никаких секретов, он был во всем понятен и ясен ей. А сегодня она просто не узнает его.

Вот он расстегнул куртку сине-черной полосатой пижамы, потер лоб, словно бы отгоняя усталость, снова вздохнул. Теперь взял папиросу, разминает, катает ее между пальцами. Закурил.

- Толя...

Он повернулся к Зине, взмахом руки развеял облачко табачного

дыма, заглянул в беспокойно-вопрошающие глаза жены и поднялся, роняя на пол зашуршавшую газету.

- Толя, неужели ты не заметил, что весь ужин просидел за столом молча? И сейчас молчишь. Скажи, милый, что у тебя случилось.

- Понимаешь, Зина, я встретил человека, который... - Анатолий Захарович умолк, как бы ища нужные слова.

- Ну, говори же, говори.

- Сядем, Зина, - он взял ее за руку, усадил рядом с собой, продолжил, заметно волнуясь: - Возможно, мне просто показалось, что я где-то видел...

- Кого? Кого ты видел, Толя?

- Ну, этого человека. Он показался мне чем-то очень знакомым...

- Знакомым? И ты не вспомнил? А это разве важно?

- Так много пришлось повидать разных людей, что, понимаешь, никак... Хотя постой, постой... - вдруг торопливо, дрогнувшим голосом сказал он, напряженно глядя перед собой. - Я вспомнил! Я знаю, где видел этого человека! Он был полицаем в лагере военнопленных. Да! Это он встретился мне в коридоре. Он! Тот, с забинтованными руками!

Зина отшатнулась, прижала ладошку ко рту, будто бы боялась, что вскрикнет.

- Если я не ошибаюсь, то это он, Бугай. Так прозвали его мы, пленные. А фамилия его Лямкин.

- Нет, Толя, нет! - в смятении воскликнула Зина. - В больнице лежит с обмороженными руками Орехов. Пчеловод из колхоза «Красное знамя».

- Орехов? - переспросил Анатолий Захарович и как-то угас, ссутулился, надолго умолк.

«Неужели я ошибаюсь? Неужели мне показалось? - размышлял он, теряя уверенность. - Только разве можно забыть эти холодные ненавидящие глаза?».

Зина прижалась к плечу Анатолия Захаровича и, глядя его рано поседевшую голову, тихо, умиротворяющее говорила:

- Не надо тревожиться, родной. Успокойся. То совсем другой человек. Выкинь из головы.

Литературно-художественное издание
посвященное 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

Федор Федорович Таранухин

Незабываемое

рассказы

Редактор: Ю.Ф. Киселев
Технический редактор: А.П. Седов
Художник: М.Я. Пономарев
Корректор: Н.Н. Умнова

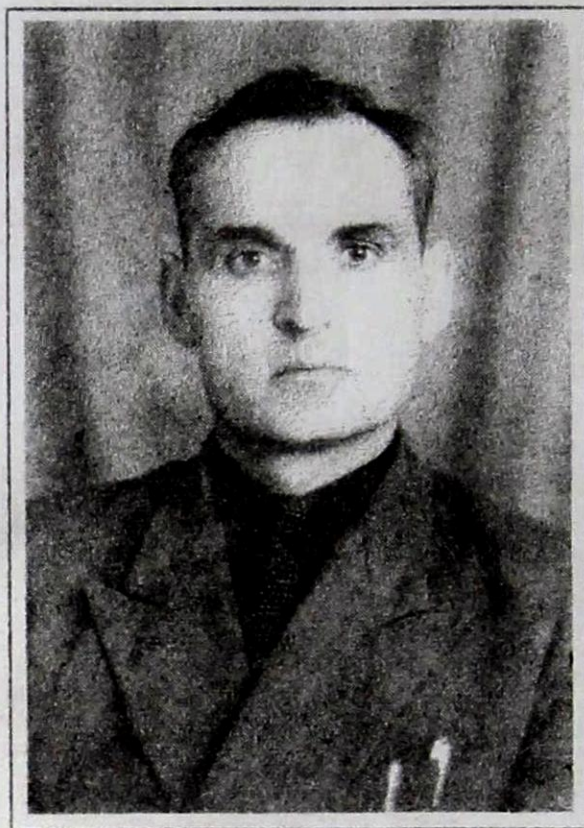
Сдано в набор 04.10.2004 г.

Подписано в печать 08.10.2004 г.

Бумага офсетная

Отпечатано в типографии ООО «АНИС»

г. Балаково 2004 год

ТАРАНУХИН ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ

Родился в п. Татьянаовка, Боровского района, Кустанайской области в 1918 году в большой крестьянской семье. Было шесть братьев и четыре сестры.

В голодном и сыпнотифозном 1921 году умерла мать, а через полгода скончался отец.

Старшая сестра Анна оставила работу в Кустанайском военном госпитале и заменила мать.

Несмотря на сиротство все получили высшее и среднее образование.

В 1937 году окончил Казанскую фельдшерско-акушерскую школу и курсы специализации по глазным болезням.

В Красную Армию был призван в ноябре 1939 года. Участник Великой Отечественной войны. Награды: орден Отечественной войны второй степени и одиннадцать медалей.

Рассказы и очерки о ветеранах войны печатались в газетах в послевоенное время, а с 1955 года и в журнале «Молот» (г. Ижевск). Большая повесть «В нашем селе» вышла в свет в 1961 году.

Кроме многих публикаций в газетах и коллективных сборниках, изданы книги «Судьба», «Рассказы. Повесть», «Надежда», «Спасибо тебе, Ганна», «Если любишь», «Разные судьбы», «Письма с Марса».

Ф. Таранухин – член Союза писателей России.